

Ци Хань простоял на горе всю ночь, без конца повторяя свои четыре желания, как мантру. И ни одно из них не касалось его самого.

Он не знал, слышат ли его снежные вершины, и если слышат — исполнят ли хоть что-то из сказанного. Но больше ему не на что было надеяться.

На обратном пути в отель он отправил Фу Гэ пару сообщений. Ответа не было.

Ци Хань решил, что, наверное, ещё рано и тот просто спит, поэтому зашёл в маленькую лавку и купил завтрак.

Но, поднявшись в коридор, столкнулся с ними лицом к лицу.

Они выходили из номера вместе, переодетые и словно... сияющие. Девушка весело болтала, приобнимая Фу Гэ за плечи, и это было слишком похоже на пару, которая только что провела ночь вместе.

В следующее мгновение Ци Хань совершенно отчётливо почувствовал на своём любимом чужой запах. Резкий, сладковатый феромон, который никак не мог принадлежать Фу Гэ.

Это был её запах, запах альфы.

В голове что-то взорвалось, затопило горячей лавой, пальцы сами собой сжались в кулаки, ногти больно впились в ладони.

Фу Гэ и она... они это сделали?

Для любого альфы мысль о том, что его партнёра коснулся кто-то чужой, была невыносимой пыткой. Ярость вскипала до такой степени, что Ци Хань чуть не ринулся вперёд, чтобы вцепиться этой девчонке в горло и придушить её.

А потом оттащить Фу Гэ в ванную, смывать с него этот запах, тереть до покраснений, заливать дезинфектором и тёплой водой, пока не уйдёт ни следа чужого феромона.

А потом — заставить его пахнуть только им.

Но он не сделал ничего. Он не имел права даже слова сказать, не то что поднимать руку.

Потому что он прекрасно знал: если он хотя бы попробует, Фу Гэ тут же встанет на сторону этой девушки.

Ци Хань только стиснул зубы, едва слышно втянул воздух и заставил себя заговорить:

— Вы уже поели?

Маленький бета на секунду застыл и недоумённо моргнул:

— ...Что?

Глаза Ци Ханя были воспалёнными, налитыми кровью, но он упрямо опустил взгляд в пол. Всё внутри трещало и разрывалось, сердце будто прошили гвоздями и отбросили в грязь.

На самом деле, он хотел спросить другое.

Вы хотя бы предохранялись?

Твоё тело ведь ещё не восстановилось. Тебе больно, всё воспаляется, даже я не могу заставить себя прикоснуться к тебе, как бы ни хотелось... А она была хоть чуть-чуть осторожной? Она берегла тебя?

Но когда слова сорвались с губ, они прозвучали совсем иначе:

— Я купил завтрак... Может, поешь что-нибудь?

Фу Гэ молчал.

Его взгляд медленно скользнул по багровым глазам альфы, по её руке, что лежала у него на плече, по приоткрытой двери гостиничного номера. Он мгновенно понял, что именно подумал Ци Хань.

Но объяснять не захотел.

— Не нужно. Мы поедем где-нибудь в городе.

Ци Хань пару раз моргнул, и без того воспалённые глаза защипало ещё сильнее.

Чем чаще он моргал, тем краснее становились веки. В конце концов он просто опустил голову и попытался натянуть на лицо что-то похожее на улыбку:

— Вы и сегодня вместе гуляете?

— Угу. И завтра тоже, — ответил Фу Гэ бесстрастно.

Пальцы, что держали пакет с завтраком, заметно задрожали. Ци Хань постарался упрятать его за спину, а сам с трудом поднял глаза:

— Понятно... Тогда хорошо повеселиться.

Девушка, кажется, заметила что-то неладное. Она переводила взгляд с одного на другого, явно не понимая, что за странное напряжение витает в воздухе. Решив, что это всего лишь друзья, она неловко предложила:

— Мы с Сяо Гэ собираемся посмотреть на Гэньнэшэньское око*. Может, пойдёшь с нами?

Гэньнэшэньское око.

Ци Хань помнил, что это была одна из ключевых точек их путешествия. Он специально купил дрон с камерой, чтобы запечатлеть этот момент, когда они вдвоём будут стоять на краю ущелья, а солнечные лучи будут золотить волосы Фу Гэ.

Ци Хань заставил себя выдавить короткую, безжизненную улыбку:

— Не стоит... Вы идите, развлекайтесь. Позже я приду, помогу вам с фотографиями. Хорошо?

Как же это было абсурдно. Он ведь был тем, кого предали. Но сейчас выглядел, словно третий лишний, который нагло вмешивается в чужую пару. Словно жалкий интриган, который даже не имеет права злиться. Даже в такой жалкой, унижительной роли он хотел увидеть его хоть на мгновение.

Маленький бета смотрел на него безмолвно. В его глазах сменилось столько эмоций, но в конце концов он лишь тихо ответил:

— Хочешь прийти — приходи.

Он не задержался ни на секунду дольше.

Повернулся, не оборачиваясь, и вместе с девушкой скрылся за углом, шагая в залитую солнцем улицу.

А Ци Хань так и остался стоять в теневой стороне, где не было ни капли света.

Он так хотел спросить: это же... ведь это был наш медовый месяц, правда? Ты же мой... мой

любимый, так ведь?

У меня осталось всего двадцать шесть дней. Если ты всегда будешь с ней... сколько из этих дней ты оставишь мне?..

Фу Гэ почти выбежал из отеля. Его шаги были стремительными, а мысли — такими же беспорядочными, как проливной дождь. Лишь когда он сел в такси, ему с трудом удалось привести себя в порядок.

Девушка украдкой посмотрела на него, но спросила у Ци Ханя:

— Тот человек... кажется, ему было очень больно. Вы поссорились?

Фу Гэ не знал, как ответить. Он лишь повернулся и взглянул в её глаза. Фу Гэ всегда будет благодарен ей за то, что она была рядом все эти дни, как друг.

Потому что в одиночку он больше не мог справляться. Здесь, повсюду, его преследовали тени тех мгновений, когда они с Ци Ханем были вместе. Он до боли ясно помнил каждый их момент и знал, что вскоре его неизбежно затянет в бездну, из которой нет возврата.

Воспоминания были как гильотина, а Литанг — его эшафот.

Восемь месяцев любви были такими же сладкими, какими мучительными стали эти четырнадцать дней казни.

— Я... я причиняю ему боль, — произнёс Фу Гэ.

Девушка слегка растерялась и тихо заметила:

— Кажется, ему действительно больно.

Фу Гэ отвернулся:

— Да.

Он слишком хорошо понимал, насколько сильно ранил Ци Ханя недавним недоразумением.

Вдруг девушка спросила:

— А тебе больно?

Фу Гэ долго смотрел в окно, а потом горько усмехнулся:

— Больно... конечно, больно.

Ци Ханю понадобился почти час, чтобы успокоиться. Лишь тогда он вышел и присоединился к ним. К девяти утра они уже добрались до озера.

На высоте 4500 метров над уровнем моря, у подножия священной горы Гэнье, было озеро диаметром в несколько десятков метров — чистое и таинственное, будто слеза небожителя. Это и было Гэньнэшэньское око, священное место.

Ирония была в том, что Ци Хань проходил здесь уже третий раз. И каждый раз был один.

Первый раз он оказался здесь на грани смерти из-за аллергии. Второй — провёл ночь в молитвах. Третий раз — сейчас. Он пришёл, чтобы вернуть любимого.

Он стоял под деревом в двух-трёхстах метрах от них и через объектив камеры издалека наблюдал за Фу Гэ и девушкой. Они неспешно гуляли вокруг озера, болтали, время от времени Фу Гэ корчил смешные гримасы.

На лице Фу Гэ играла лёгкая, почти неуловимая улыбка — спокойная и тёплая, совсем не такая, как та, что он показывал Ци Ханю. С ним Фу Гэ всегда был напряжён, будто кто-то сжимал ему горло, не давая вздохнуть.

— Неужели только сегодня он был по-настоящему счастлив... — Ци Хань смотрел на фотографии и, проводя пальцем по экрану, ощущал, как внутри будто режет ножом.

Он поднял камеру над головой, отвернулся и долго подбирал угол, чтобы в кадр попали только они вдвоём — он сам и Фу Гэ, без девушки. Наконец, щёлкнул затвор, и фотография перешла на телефон. Ци Хань тут же сохранил её в альбом, созданный специально для Фу Гэ.

Он долго смотрел на снимок, а потом осторожно добавил подпись:

‘Литанг, ранняя зима, четвёртый день медового месяца. Мы с Сяо Гэ вместе смотрим на Гэнье-чжи Янь. Он очень счастлив.’

Это было их первое совместное фото за всю эту поездку. Украденное.

Если пролистать альбом выше, можно было увидеть ещё несколько снимков из повседневной жизни — какие-то настоящие, какие-то ложные. Ци Хань давно научился мастерски обманывать сам себя, не оставляя ни следа.

Первая фотография — надкушенная ячменная конфета. В подписи значилось:

В конфете оказались грецкие орехи. Случайно съел. Сяо Гэ поцеловал меня первым.

Вторая — сладкий чай в ресторанчике. Подпись:

Я ляпнул лишнего, напомнил ему о грустном, но он быстро простил меня.

Третья — хада, купленная в сувенирной лавке. Подпись:

Сяо Гэ выиграл это на скачках и отдал мне. Он всегда такой ослепительный.

Четвёртая — капельница в больнице. Подпись:

Аллергия на орехи. Он остался со мной, пока я лежал под капельницей. Завтра, может, снова его увижу.

Пятая — ветер у Гэньнэшэньского ока в ночь молитв. Подпись:

‘Третий день медового месяца. Я загадал четыре желания. На самом деле их было пять, но последнее я не решился произнести вслух: я хочу, чтобы он завтра был рядом.’

Очевидно, это желание не сбылось.

Ци Хань закрыл глаза и прижался лбом к экрану. Очень тихо прошептал:

— Ничего. Я понимаю, Гэ, ты устал. У тебя больше нет сил терпеть. Я не буду больше настаивать.

Он знал, как утомительно было притворяться, как мучительно каждое мгновение, проведённое рядом. Фу Гэ было тяжело. Поэтому Ци Хань решил, что не будет больше цепляться за их отношения.

Пусть у него не осталось ничего, кроме этих поддельных фотографий, он сможет придумать себе медовый месяц.

Телефон тихо вибрировал дважды. Ци Хань глянул на экран — это было сообщение от подчинённого с досье на ту женщину-альфу.

Он слышал, как Фу Гэ называл её имя. Видел, как они общались у озера. Тибетцы, которые так

хорошо говорят по-китайски, часто работали гидами. Этой зацепки Ци Ханю было достаточно, чтобы быстро получить всю информацию.

От рождения и до сегодняшнего дня — все её социальные связи, биография, даже школьные награды и взыскания были детально прописаны в досье. Ци Хань читал внимательно, разбирая каждое слово, словно пытаюсь найти ответ на вопрос, который боялся себе задать.

Родители живы, есть младший брат. Похоже, семейные узы для неё многое значат.

Скотины у них немало, работа стабильная. Похоже, она сможет обеспечить Фу Гэ и не даст ему голодать.

Учёба шла хорошо, сама умная, физически крепкая. А ещё столько лет ждала Фу Гэ... Значит, чувства у неё глубокие, не даст ему страдать.

— Неплохо... По всем параметрам она хороша... — Ци Хань усмехнулся и погасил экран телефона. Голос сорвался на полуслове, в горле было горько, будто проглотил ржавое лезвие. Глаза, пересушенные ветром, жгло, а сердце будто медленно рвали на куски.

Но одно из его желаний, кажется, всё-таки должно было сбыться. Мой Сяо Гэ, похоже, нашёл себе действительно хорошего человека.

Вот только она появилась слишком рано. Почему нельзя было подождать, пока они закончат этот медовый месяц?

Ему оставалось всего ничего, дни были сочтены. А жизнь Фу Гэ, наоборот, только начиналась. Он лишь надеялся, что маленький бета будет счастлив. Своё будущее для него уже не имело значения.

Ци Хань купил билет на самый ранний рейс до столицы, сделал скриншот и отправил Фу Гэ. Но тот не посмотрел телефон, всё ещё болтал с девушкой.

Альфа долго смотрел на них издалека, не в силах отвести глаз. Потом медленно опустил голову и, по буквам подбирая слова, набрал прощальное сообщение.

Ледяной ветер, дующий с вершины горы, пронизывал до костей. В груди будто разверзлась огромная дыра, а из неё вытекало всё тёплое и живое, оставляя лишь гнилую, изъеденную боль.

[Гэ, у меня рейс сегодня вечером. Я всё тут уладил. Джома — хорошая девушка. Повеселитесь как следует, я не буду вам мешать.]

[И... твой внутренний канал ещё не зажил. Не забудь... попроси её надеть...]

[Я использовал столько феромонов и едва смог немного залечить тебя. Пожалуйста, Гэ, только не дай ей сделать тебе больно]

ПП: *Гэнье-чжи Янь (ཀམ་མཚོ་ཡུལ་), или Гэньнэшэньское око — это природное озеро, расположенное в районе горы Гэнье (ཀམ་མཚོ་) в Тибете. Озеро получило своё название из-за формы, напоминающей глаз, и кристально чистой воды, что создаёт впечатление, будто это слеза божества, упавшая на землю. Оно окружено священными горами и считается особым местом для паломников и туристов, ищущих умиротворение и духовные переживания. В мифологии и фольклоре тибетских народов это место иногда связывают с божественной защитой и очищением.

<http://bllate.org/book/14453/1278342>